

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Г74

В настоящем издании используются фотопрепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии, а также иллюстрации, предоставленные по лицензии shutterstock.com.

Гофман, Эрнст Теодор Амадей.

Г74 Житейские воззрения кота Мурра = Lebens-Ansichten des Katers Murr / Э. Т. А. Гофман. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 512 с. : ил. — (Bilingua подарочная: иллюстрированная книга на языке оригинала с переводом).

ISBN 978-5-17-165655-3

Мурр был котом неординарным и умным. Никогда не поддавался на уловки мышей, поскольку остроумие его превосходило их хитрость. Жаждал знаний, просвещения и учёности, но, увы, образовательные учреждения не предназначены для котов. От прочих мурлыкающих мечтателей Мурра отличало одно: он обладал способностью вдохновлять поэтов и музыкантов.

И этого оказалось достаточно, чтобы заслужить бессмертие в литературе.

«Житейские воззрения кота Мурра» — это не только роман, но и уникальное сочетание автобиографии кота и биографии его хозяина, известного композитора, в образе которого прослеживаются черты самого Э. Т. А. Гофмана.

В книге представлен оригинальный текст с параллельным переводом Константина Балмонта, искусно передающим как юмор, так и философские размышления кота Мурра. Сатирические иллюстрации Луиса Уэйна, дополняющие издание, позволят читателю насладиться не только текстом, но и яркими, выразительными образами, которые оживляют страницы и углубляют восприятие сюжета и персонажей.

Элегантное оформление, твёрдый переплёт с тиснением, ляссе, высококачественная белая бумага — всё это делает книгу не только литературным, но и визуальным шедевром. Она станет желанным приобретением для коллекционеров и прекрасным подарком для всех, кто ценит искусство и литературу в их наивысшем проявлении.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

VORWORT DES HERAUSGEBERS E. T. A. HOFFMANN

Keinem Buche ist ein Vorwort nötiger, als gegenwärtigem; da es, wird nicht erklärt, auf welche wunderliche Weise es sich zusammengefügt hat, als ein zusammengewürfeltes Durcheinander erscheinen dürfte.

Daher bittet der Herausgeber den günstigen Leser, wirklich zu lesen, nämlich dies Vorwort.

Besagter Herausgeber hat einen Freund, mit dem er ein Herz und eine Seele ist, den er ebenso gut kennt, als sich selbst. Dieser Freund sprach eines Tages zu ihm ungefähr also: »Da du, mein Guter, schon manches Buch hast drucken lassen und dich auf Verleger verstehst, wird es dir ein leichtes sein, irgendeinen von diesen wackern Herren aufzufinden, der auf deine Empfehlung etwas druckt, was ein junger Autor von dem glänzendsten Talent, von den vortrefflichsten Gaben vorher aufschrieb. Nimm dich des Mannes an, er verdient es.«

Der Herausgeber versprach, sein Bestes zu tun für den schriftstellerischen Kollegen. Etwas verwunderlich wollt es ihm nun wohl bedünken, als sein Freund ihm gestand, daß das Manuskript von einem Kater, Murr geheißен, herrühre und dessen Lebensansichten enthalte; das Wort war jedoch gegeben, und da der Eingang der Historie ihm ziemlich gut stilisiert schien, so lief er sofort, mit dem Manuskript in der Tasche, zu dem Herrn Dümmler Un-

ПРЕДИСЛОВИЕ НЕМЕЦКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Никакая книга не нуждается так в предисловии, как предлагаемая, без него будет непонятно, каким удивительным образом книга эта приняла такой странный вид — вид смеси.

Потому издатель просит благосклонного читателя непременно прочесть предисловие.

У упомянутого издателя есть друг, с которым он живет душа в душу, которого он знает, как самого себя. Этот-то вот друг сказал ему однажды приблизительно следующее: «Ты, любезный, напечатал уже много книг и у тебя много знакомых среди издателей; тебе, следовательно, легко будет найти кого-нибудь, кто по твоей рекомендации напечатает некоторую вещь, написанную недавно молодым автором блестящего таланта и отличнейших способностей. Обрати на него свое внимание, он этого вполне заслуживает».

Издатель обещал сделать для коллеги-писателя все возможное. Его немного удивило, впрочем, одно обстоятельство, именно признание друга, что рукопись принадлежит коту по прозвищу Мурр и содержит в себе житейские взгляды этого последнего; слово, однако, было дано, и, так как вступление показалось издателю написанным очень хорошим стилем, он тотчас же с рукописью в кармане отправился на улицу

ter den Linden und proponierte ihm den Verlag des Katerbuchs.

Herr Dümmler meinte, bis jetzt habe er zwar nicht unter seinen Autoren einen Kater gehabt, wisse auch nicht, daß irgendeiner seiner werten Kollegen mit einem Mann des Schlages bis jetzt sich eingelassen, indessen wolle er den Versuch wohl machen.

Der Druck begann, und dem Herausgeber kamen die ersten Aushängebogen zu Gesicht. Wie erschrak er aber, als er gewahrte, daß Murrs Geschichte hin und wieder abbricht und dann fremde Einschübsel vorkommen, die einem andern Buch, die Biographie des Kapellmeisters Johannes Kreisler enthaltend, angehören.

Nach sorgfältiger Nachforschung und Erkundigung erfuhr der Herausgeber endlich folgendes: Als der Kater Murr seine Lebensansichten schrieb, zerriß er ohne Umstände ein gedrucktes Buch, das er bei seinem Herrn vorfand, und verbrauchte die Blätter harmlos teils zur Unterlage, teils zum Löschen. Diese Blätter blieben im Manuskript und — wurden, als zu demselben gehörig, aus Versehen mit abgedruckt!

De— und wehmütig muß nun der Herausgeber gestehen, daß das verworrene Gemisch fremdartiger Stoffe durcheinander lediglich durch seinen Leichtsinns veranlaßt, da er das Manuskript des Katers hätte genau durchgehen sollen, ehe er es zum Druck beförderte. Indessen ist noch einiger Trost für ihn vorhanden.

Fürs erste wird der geneigte Leser sich leicht aus der Sache finden können, wenn er die eingeklammerten Bemerkungen, *Mak. Bl.* (Makulatur-Blatt) und *M. f. f.* (Murr fährt fort) gütigst beachten will, dann ist aber das zerrissene Buch höchst wahrscheinlich gar nicht in den Buchhandel gekommen, da niemand auch nur das

Unter den Linden к г-ну Дюммлеру и предложил ему издание книги, написанной котом.

Г-н Дюммлер подумал, что до сих пор среди авторов, которых он печатал, не было еще ни одного кота; кроме того, насколько ему было известно, никто из его почтенных коллег не имел до сих пор никакого дела с писателями такого рода, тем не менее он решился сделать попытку.

Печатание началось, и издателю были представлены первые пробные листы. В каком же он был ужасе, когда увидел, что история Мурра то здесь, то там прерывается и в промежутках в ней сделаны вставки, относящиеся к другой книге и содержащие в себе биографию капельмейстера Иоганна Крейсера.

После тщательных расспросов и расследований издатель узнал, наконец, следующее. Когда кот Мурр излагал свое мировоззрение, он без всякой церемонии разорвал одну книгу, найденную им у своего господина и, беззаботно подкладывая ее листы под свою рукопись, употребляя их в качестве пропускной бумаги. Листы эти остались среди листов рукописи и по недосмотру были перепечатаны как необходимое к ним дополнение.

С прискорбием и грустью издатель должен сознаться, что спутанная смесь совершенно разнородного материала появилась в свет в таком виде лишь благодаря его собственному легкомыслию: он должен был внимательно просмотреть рукопись кота, прежде чем отдавать ее в печать, тем не менее для него еще осталось некоторое утешение.

Во-первых, благосклонный читатель легко выйдет из затруднения, если он снисходительно пожелает обращать внимание на поставленные в скобках знаки: «*Мак. л.*» («Макулатурные листы») и «*М. прод.*» («Мурр продолжает»); затем, так как никто ничего не знает о разорванной книге, можно заключить с высокой степенью

mindeste davon weiß. Den Freunden des Kapellmeisters wenigstens wird es daher angenehm sein, daß sie durch den literarischen Vandalismus des Katers zu einigen Nachrichten über die sehr seltsamen Lebensumstände jenes in seiner Art nicht unmerkwürdigen Mannes kommen.

Der Herausgeber hofft auf gütige Verzeihung.

Wahr ist es endlich, daß Autoren ihre kühnsten Gedanken, die außerordentlichsten Wendungen oft ihren gütigen Setzern verdanken, die dem Aufschwunge der Ideen nachhelfen durch sogenannte Druckfehler. So sprach zum Beispiel der Herausgeber im zweiten Teile seiner »Nachtstücke« von geräumigen Bosketts (Gebüsch), die in einem Garten befindlich. Das war dem Setzer nicht genial genug, er setzte daher das Wörtlein Bosketts um in das Wörtlein Kasketts (Lederhelm). So läßt in der Erzählung »das Fräulein Scuderi« der Setzer pfffigerweise besagtes Fräulein statt in einer schwarzen Robe, in einer schwarzen *Farbe* von schwerem Seidenzeug erscheinen und so weiter.

Jedem jedoch das Seine! Weder der Kater Murr, noch der unbekannte Biograph des Kapellmeisters Kreisler soll sich mit fremden Federn schmücken, und der Herausgeber bittet daher den günstigen Leser dringend, bevor er das Werklein liest, nachfolgende Änderungen zu veranstalten, damit er von beiden Autoren nicht besser oder schlechter denke, als sie es verdienen.

Übrigens werden nur die Haupterrata bemerkt, geringere dagegen der Diskretion des gütigen Lesers überlassen.

(Es folgt die Angabe einer Reihe von Druckfehlern.)

Schließlich darf der Herausgeber versichern, daß er den Kater Murr persönlich kennengelernt und in ihm einen Mann von angenehmen, milden Sitten gefunden hat. Er ist auf dem Umschlage dieses Buches frappant getroffen.

Berlin, im November 1819

E. T. A. Hoffmann

вероятности, что она никогда не была в продаже. Другим капельмейстера, по крайней мере, должно быть приятно, что благодаря литературному вандализму кота они получают некоторые сведения о необычайных приключениях этого — в своем роде очень достопримечательного — мужа.

Издатель надеется на милостивое прощение.

Верно, наконец, и то, что авторы самыми смелыми своими мыслями, самыми удачными оборотами нередко бывают обязаны своим снисходительным наборщикам, содействующим полету их идей посредством так называемых опечаток. Так, например, пишущий эти строки говорит во второй части своих ноктюрнов об обширной рощице (Boskett), находящейся в саду. Это показалось наборщику недостаточно гениальным и он вместо слова Boskett («рощица») поставил слово Caskett («фуражка»), В рассказе Fraulein Scudery наборщик лукавым образом представляет упомянутую фрейлейн не в черном платье (Robe), а в черном цвете (Farbe) и т. п.

Но каждому свое! Ни кот Мурр, ни неизвестный биограф капельмейстера Крейсера не должны быть воронами в павлиньих перьях, и потому издатель настоятельно просит благосклонного читателя исправить опечатки, прежде чем он примется за чтение этого произведения, дабы он не думал о каждом из двух авторов ни лучше, ни хуже, чем они заслуживают. В заключение издатель берет на себя смелость уверить, что он лично познакомился с котом Мурром и нашел в нем особу приятного, кроткого нрава.

Э. Т. А. Гофман. Берлин, ноябрь 1819

VORREDE DES
AUTORS KATER
MURR

Schüchtern — mit bebender Brust, übergebe ich der Welt einige Blätter des Lebens, des Leidens, der Hoffnung, der Sehnsucht, die in süßen Stunden der Muße, der dichterischen Begeisterung meinem innersten Wesen entströmten. Werde, kann ich bestehen vor dem strengen Richterstuhl der Kritik? Doch ihr seid es, ihr fühlenden Seelen, ihr rein kindlichen Gemüter, ihr mir verwandten treuen Herzen, ja, ihr seid es, für die ich schrieb, und eine einzige schöne Träne in eurem Auge wird mich trösten, wird die Wunde heilen, die der kalte Tadel unempfindlicher Rezensenten mir schlug!

*Berlin, im Mai (18-).
Murr (Etudiant en belles lettres)*

ПРЕДИСЛОВИЕ
АВТОРА

Робко, с трепещущим сердцем я передаю миру эти повествования о моей жизни, страданиях, надеждах, стремлениях, вылившиеся из тайников души моей в сладостные часы досуга и поэтического вдохновения.

Устою ли пред строгим судом критики? Но ведь я писал для вас, о, чувствительные души, о, чистые, детские натуры, о, родственные мне, верные сердца, и одна-единственная слезинка из ваших глаз утешит меня, исцелит рану, нанесенную холодным осуждением бесчувственных рецензентов.

*Берлин, май, года 18...
Мурр (Etudiant en belles lettres)*

UNTERDRÜCKTES VORWORT DES AUTORS

Mit der Sicherheit und Ruhe, die dem wahren Genie angeboren, übergebe ich der Welt meine Biographie, damit sie lerne, wie man sich zum großen Kater bildet, meine Vortrefflichkeit im ganzen Umfange erkenne, mich liebe, schätze, ehre, bewundere und ein wenig anbete.

Sollte jemand verwegen genug sein, gegen den gediegenen Wert des außerordentlichen Buchs einige Zweifel erheben zu wollen, so mag er bedenken, daß er es mit einem Kater zu tun hat, der Geist, Verstand besitzt und scharfe Krallen.

*Berlin, im Mai (18-).
Murr (Homme de lettres très renommé)*

N. S. Das ist zu arg! — Auch das Vorwort des Autors, welches unterdrückt werden sollte, ist abgedruckt! — Es bleibt nichts übrig, als den günstigen Leser zu bitten, daß er dem schriftstellerischen Kater den etwas stolzen Ton dieses Vorworts nicht zu hoch anrechnen und bedenken möge, daß, wenn manche wehmütige Vorrede irgendeines andern empfindsamen Autors in die wah-

ПРЕДИСЛОВИЕ, УНИЧТОЖЕННОЕ АВТОРОМ

Спокойной уверенностью, составляющей прирожденную черту истинного гения, я передаю миру мою биографию для того, чтобы он понял, как доходят до положения зрелого кота, чтобы он познал мои превосходные качества во всем их объеме, дивился мне, любил меня, ценил, почитал и немного обожал. Если кто-нибудь окажется настолько дерзким, что решится подвергать сомнению необычайные достоинства этой замечательной книги, пусть он помнит, что он имеет дело с котом, в распоряжении у которого есть ум, рассудительность и острые когти.

*Берлин, май, года 18...
Murr (Homme de lettres tres renommé)*

P. S. Какая досада! И то предисловие, которое должно было подвергнуться уничтожению, оказалось напечатанным!

Ничего не остается, как просить благосклонного читателя не относиться слишком строго к несколько гордому тону этого предисловия и принять в расчет, что, если бы взять какое-нибудь умильтельное предисловие другого чувствительного автора

re Sprache der innigen Herzensmeinung
übersetzt werden sollte, es nicht viel anders
herauskommen würde.

и перевести его на язык затасанных мнe-
ний этого последнего, оно немногим бы
отличалось от вышеупомянутого.

Издатель

ERSTER TEIL

ERSTER ABSCHNITT

GEFÜHLE DES DASEINS, DIE MONATE DER JUGEND

Es ist doch etwas Schönes, Herrliches, Erhabenes um das Leben! — »O du süße Gewohnheit des Daseins!« ruft jener niederländische Held in der Tragödie aus. So auch ich, aber nicht wie der Held in dem schmerzlichen Augenblick, als er sich davon trennen soll — nein! — in dem Moment, da mich eben die volle Lust des Gedankens durchdringt, daß ich in jene süße Gewohnheit nun ganz und gar hineingekommen und durchaus nicht Willens bin, jemals wieder hinauszukommen. — Ich meine nämlich, die geistige Kraft, die unbekannte Macht, oder wie man sonst das über uns waltende Prinzip nennen mag, welches mir besagte Gewohnheit ohne meine Zustimmung gewissermaßen aufgedrungen hat, kann unmöglich schlechtere Gesinnungen haben, als der freundliche Mann bei dem ich in Kondition gegangen, und der mir das Gericht Fische, das er mir vorgesetzt, niemals vor der Nase wegzieht, wenn es mir eben recht wohlschmeckt.

O Natur, heilige hehre Natur! wie durchströmt all' deine Wonne, all' dein Entzücken meine bewegte Brust, wie umweht mich dein geheimnisvoll säuselnder Atem! — Die Nacht ist etwas frisch und ich wollte — doch jeder

ПЕРВЫЙ ТОМ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОЩУЩЕНИЯ БИТИЯ, МЕСЯЦЫ ЮНОСТИ

Что это за прекрасная, возвышенная, чудная вещь — жизнь!

«O ты, сладкая привычка существования!» — восклицает известный нидерландец, герой трагедии.

Точно так же восклицаю и я, но не как тот герой в скорбную минуту расставания с жизнью — о, нет! — именно в тот момент, когда я полон восторженного сознания, что я только что всецело сроднился с этой сладостной привычкой и отнюдь не намерен когда-либо с ней расставаться.

Я разумею, точнее говоря, что духовная сила — неизвестная власть или, как там еще можно назвать, управляющий нами принцип, в известном смысле насильственно навязавший мне упомянутую привычку, — должна была иметь гораздо более худшие намерения, чем тот ласковый человек, к которому я поступил в услужение и который, подставив мне под нос блюдо с рыбой, не отдернет его в ту самую минуту, когда я только что начну лакомиться.

O природа, святая, величественная природа! Как проникнута вся моя взволнованная грудь твоей негой, твоим очарованием, как обвеивает меня твое таинственное, полное шепота, дыхание! Ночь несколько свежа, и я хотел бы...

der dies lieset oder nicht lieset, begreift nicht meine hohe Begeisterung, denn er kennt nicht den hohen Standpunkt, zu dem ich mich hinaufgeschwungen! — Hinaufgeklettert wäre richtiger, aber kein Dichter spricht von seinen Füßen, hätte er auch deren viere so wie ich, sondern nur von seinen Schwingen, sind sie ihm auch nicht angewachsen, sondern nur Vorrichtung eines geschickten Mechanikers. Über mir wölbt sich der weite Sternenhimmel, der Vollmond wirft seine funkelnden Strahlen herab, und in feurigem Silberglanz stehen Dächer und Türme um mich her! Mehr und mehr verbraust das lärmende Gewühl unter mir in den Straßen, stiller und stiller wird die Nacht — die Wolken ziehen — eine einsame Taube flattert in banger Liebeshinwendung um den Kirchturm! — Wie! — wenn die liebe Kleine sich mir nähern wollte? — Ich fühle wunderbar es sich in mir regen, ein gewisser schwärmerischer Appetit reißt mich hin mit unwiderstehlicher Gewalt! — O käme sie die süße Huldin, an mein liebeskrankes Herz wollt ich sie drücken, sie nimmer von mir lassen — ha dort flattert sie hinein in den Taubenschlag, die Falsche, und läßt mich hoffnungslos sitzen auf dem Dache! — Wie selten ist doch in dieser dürftigen, verstockten, liebeleeren Zeit wahre Sympathie der Seelen! —

Ist denn das auf zwei Füßen aufrecht Einhergehen etwas so Großes, daß das Geschlecht, welches sich Mensch nennt, sich die Herrschaft über uns alle, die wir mit sicherem Gleichgewicht auf viere daherwandeln, anmaßen darf? Aber ich weiß es, sie bilden sich was Großes ein auf etwas, was in ihrem Kopfe sitzen soll und das sie die Vernunft nennen. Ich weiß mir keine rechte Vorstellung zu machen, was sie darunter verstehen, aber so viel ist gewiß, daß wenn, wie ich es aus gewissen Re-

Впрочем, ни один читатель, прочтет или не прочтет он эти строки, не будет в состоянии понять моего высокого вдохновения, потому что он не знает той высокой точки зрения, до которой я воспарил! Вернее было бы сказать «вскарabкался», но ведь никакой поэт не говорит о своих ногах, хотя бы у него их было четыре, как у меня; поэт говорит только о своих крыльях, если даже они не выросли у него от природы, а являются ухищрениями искусного механика. Надо мной высится глубокий купол звездного неба, полная луна бросает на землю свои искристые лучи и в огненном, серебряном блеске стоят вокруг кровли и башни! Все больше и больше замирает внизу на улицах шумная суетня, тише и тише становится ночь — мимо плывут облачка, — одинокая голубка, воркуя и изливая грусть в боязливых любовных жалобах, вьется вокруг колокольни! О, если бы прекрасная малютка пожелала приблизиться ко мне! Я чувствую, что я полон каким-то чудным волнением, с неудержимой силой меня охватывает какой-то мечтательный аппетит! О, приди ко мне, прелестная чаровница! Я хотел бы прижать тебя к своему большому сердцу и никогда не отпускать от себя! Ха, вон летит она в голубятню, коварная, и оставляет меня здесь, на крыше, тоскующего и безнадёжного! Как редко, однако, можно встретить истинную симпатию сердец в это жалкое, чертовое, чуждое любви время!

Разве в вертикальном хождении на двух ногах заключается какое-нибудь величие, что порода, называющая себя людьми, изъявляет притязание на господство над всеми нами, над существами, которые с более надежной устойчивостью ходят на четырех ногах? Но, я знаю, они воображают, что это величие заключается в том, что должно находиться в их головах и что они называют разумом. Не могу себе составить ясного представления, что это собственно за вещь, но, во всяком

den meines Herrn und Gönners schließen darf, Vernunft nichts anderes heißt, als die Fähigkeit, mit Bewußtsein zu handeln und keine dummen Streiche zu machen, ich mit keinem Menschen tausche. — Ich glaube überhaupt, daß man sich das Bewußtsein nur angewöhnt; durch das Leben und zum Leben kommt man doch, man weiß selbst nicht wie. Wenigstens ist es mir so gegangen, und wie ich vernehme, weiß auch kein einziger Mensch auf Erden das Wie und Wo seiner Geburt aus eigener Erfahrung, sondern nur durch Tradition, die noch dazu öfters sehr unsicher ist. Städte streiten sich um die Geburt eines berühmten Mannes, und so wird es, da ich selbst nichts Entscheidendes darüber weiß,

случае, я не желал бы поменяться ролями ни с каким человеком, насколько я могу — по словам моего господина и покровителя — заключить, что под разумом нужно понимать способность поступать сознательно и не делать никаких глупостей. Вообще я думаю, что сознание есть дело привычки; начинаешь жить и проходишь путь жизни, но как — этого никто не знает. По крайней мере, так было со мной, и, сколько мне известно, ни один человек на свете не знает подробности своего рождения по личному опыту, а только по традиции, которая к тому же часто бывает крайне неверна. Города спорят между собой о месте рождения знаменитого мужа; точно также

immerdar ungewiß bleiben, ob ich in dem Keller, auf dem Boden, oder in dem Holzstall das Licht der Welt erblickte, oder vielmehr nicht erblickte, sondern nur in der Welt erblickt wurde von der teuren Mama. Denn wie es unserm Geschlecht eigen, waren meine Augen verschleiert. Ganz dunkel erinnere ich mich gewisser knurrender, prustender Töne, die um mich her erklangen, und die ich beinahe wider meinen Willen hervorbringe, wenn mich der Zorn überwältigt. Deutlicher und beinahe mit vollem Bewußtsein finde ich mich in einem sehr engen Behältnis mit weichen Wänden eingeschlossen, kaum fähig, Atem zu schöpfen und in Not und Angst ein klägliches Jammergeschrei erhebend. Ich fühle, daß etwas in das Behältnis hinabgriff und mich sehr unsanft beim Leibe packte, und dies gab mir Gelegenheit, die erste wunderbare Kraft, womit mich die Natur begabt, zu fühlen und zu üben. Aus meinen reich überpelzten Vorderpfoten schnellte ich spitze gelenkige Krallen hervor und grub sie ein in das Ding, das mich gepackt und das, wie ich später gelernt, nichts anderes sein konnte als eine menschliche Hand. Diese Hand zog mich aber heraus aus dem Behältnis und warf mich hin, und gleich darauf fühlte ich zwei heftige Schläge auf den beiden Seiten des Gesichts, über die jetzt ein, wie ich wohl sagen mag, stattlicher Bart herüberragt. Die Hand teilte mir, wie ich jetzt beurteilen kann, von jenem Muskelspiel der Pfoten verletzt, ein paar Ohrfeigen zu; ich machte die erste Erfahrung von moralischer Ursache und Wirkung, und eben ein moralischer Instinkt trieb mich an, die Krallen ebenso schnell wieder einzuziehen, als ich sie hervorgeschleudert. Später hat man dieses Einziehen der Krallen mit Recht als einen Akt der höchsten Bonhomie und Liebenswürdigkeit anerkannt und mit dem Namen »Samtpfötchen« bezeichnet.

Wie gesagt, die Hand warf mich wieder zur Erde. Bald darauf erfaßte sie mich aber aufs neue beim Kopf und drückte ihn nieder, so daß ich

bleiben würde — потому что я сам не знаю ничего в точности, — в подвале, или на чердаке, или в деревянном сарае увидел я свет или, скорее, не увидел, а, появившись на свет, был увиден моей милой мамашей. Потому что, как свойственно нашей породе, глаза мои были покрыты пеленой. Как в тумане припоминаю я резко раздававшиеся ворчливые звуки, которые я испускаю почти против своей воли, если мной овладевает гнев. Яснее и почти с полным уже сознанием ощутил я себя в каком-то чрезвычайно узком вместилище с мягкими стенами; я едва мог дышать и, полный скорби и тоски, испускал жалобные крики. Что-то такое опустилось в мое помещение и весьма нелюбезно схватило меня за живот; это дало мне повод впервые проявить дивную способность ощущать и действовать, дарованную мне природой. Из передних своих лапок, покрытых роскошным мехом, я быстро выпустил острые, гибкие когти и вцепился ими в ту вещь, которая схватила меня и которая, как я узнал впоследствии, была ничем иным, как человеческой рукой. Эта рука вытащила меня, однако, и отшвырнула, после чего я тотчас почувствовал два сильных удара по обеим сторонам моего лица, на котором теперь красуется, смею сказать, великолепная борода. Насколько могу теперь судить, рука, оскорбленная игрой мускулов, управляющих моими лапками, отвесила мне две пощечины, впервые я узнал по опыту моральную причину и следствие, и именно моральный инстинкт побудил меня спрятать когти почти так же быстро, как я их выпустил. Впоследствии моя способность быстро прятать когти была вполне справедливо оценена, как проявление любезности и, так сказать, bonhomie, и я получил название «бархатные лапки».

Как сказано, рука швырнула меня на землю. Но почти тотчас же она опять схватила меня за голову и пригнула ее вниз, так что я своей мор-

mit dem Mäulchen in eine Flüssigkeit geriet, die ich, selbst weiß ich nicht, wie ich darauf verfiel, es mußte daher physischer Instinkt sein, aufzulecken begann, welches mir eine seltsame innere Behaglichkeit erregte. Es war, wie ich jetzt weiß, süße Milch, die ich genoß; mich hatte gehungert, und ich wurde satt, indem ich trank. So trat, nachdem die moralische begonnen, die physische Ausbildung ein.

Aufs neue, aber sanfter als vorher, faßten mich zwei Hände und legten mich auf ein warmes weiches Lager. Immer besser und besser wurde mir zu Mute, und ich begann mein inneres Wohlbehagen zu äußern, indem ich jene seltsamen, meinem Geschlecht allein eigenen Töne von mir gab, die die Menschen durch den nicht unebenen Ausdruck, spinnen, bezeichnen. So ging ich mit Riesenschritten vorwärts in der Bildung für die Welt. Welch ein Vorzug, welch ein köstliches Geschenk des Himmels, inneres physisches Wohlbehagen ausdrücken zu können durch Ton und Gebärde! — Erst knurrte ich, dann kam mir jenes unnachahmliche Talent, den Schweif in den zierlichsten Kreisen zu schlängeln, dann die wunderbare Gabe, durch das einzige Wörtlein »Miau« Freude, Schmerz, Wonne und Entzücken, Angst und Verzweiflung, kurz, alle Empfindungen und Leidenschaften in ihren mannigfaltigsten Abstufungen auszudrücken. Was ist die Sprache der Menschen gegen dieses einfachste aller einfachen Mittel, sich verständlich zu machen! — Doch weiter in der denkwürdigen, lehreichen Geschichte meiner ereignisreichen Jugend!

Ich erwachte aus tiefem Schlaf, ein blendender Glanz umfloß mich, vor dem ich erschrak: fort waren die Schleier von meinen Augen, ich sah! —

Ehe ich mich an das Licht, vorzüglich aber an das buntscheckige Allerlei, das sich meinen Augen darbot, gewöhnen konnte, mußte ich mehrmals hintereinander entsetzlich niesen, bald ging es indessen mit dem Sehen ganz

dочкой попал в жидкость, которую тотчас же начал лакать, что возбудило во мне особое внутреннее довольство; почему я так скоро догадался, что нужно делать, решительно не понимаю, вероятно, это был физический инстинкт. Теперь я знаю, что напиток, который я вкушал, был сладким молоком. Я чувствовал голод и, пока пил, насытился. Таким-то образом началось мое физическое развитие вслед за моральным.

Снова, но нежнее, чем прежде, меня взяли две руки и положили на теплую, мягкую постель. Все отраднее и отраднее становилось у меня на душе, и я начал проявлять свое внутреннее довольство посредством особых свойственных только моей породе звуков, к которым люди весьма удачно применяют выражение «мурлыкать». С этой минуты я стал двигаться вперед в своем светском образовании поистине гигантскими шагами. Какое преимущество, какой чудный дар неба — способность звуками и жестами выражать свое душевное благополучие! Сперва я только мурлыкал, потом у меня проявился неподражаемый талант придавать своему хвосту самые живописные позы, потом — волшебный дар посредством единственного маленького слова «мяу» выражать радость и скорбь, негу и восторг, тоску и отчаяние — словом, все ощущения и страсти в разнообразнейших их степенях. Что значит человеческий язык в сравнении с этим простейшим способом быть понятным для других!

Но дальше, будем продолжать достопамятную, поучительную историю моей юности, столь богатой событиями!

Я очнулся от глубокого сна, я был залит ослепительным блеском, устрашившим меня, спала пелена с глаз моих: я прозрел!

Прежде чем я мог свыкнуться с ярким светом, в особенности же с пестрой картиной,

vortrefflich, als habe ich es schon mehrere Zeit hintereinander getrieben.

O das Sehen! es ist eine wunderbare, herrliche Gewohnheit, eine Gewohnheit, ohne die es sehr schwer werden würde, überhaupt in der Welt zu bestehen! — Glückliche diejenigen Hochbegabten, denen es so leicht wird als mir, sich das Sehen anzueignen.

Leugnen kann ich nicht, daß ich doch in einige Angst geriet und dasselbe Jammergeschrei erhob, wie damals in dem engen Behältnis. Sogleich erschien ein kleiner hagerer alter Mann, der mir unvergeßlich bleiben wird, da ich meiner ausgebreiteten Bekanntschaft unerachtet keine Gestalt, die ihm gleich oder auch nur ähnlich zu nennen, jemals wieder erblickt habe. Es trifft sich häufig bei meinem Geschlecht, daß dieser, jener Mann einen weiß und schwarz gefleckten Pelz trägt, selten findet man aber wohl einen Menschen, der schneeweißes Haupthaar haben sollte und dazu rabenschwarze Augenbraunen, dies war aber der Fall bei meinem Erzieher. Der Mann trug im Hause einen kurzen hochgelben Schlafrock, vor dem ich mich entsetzte und daher, so gut es bei meiner damaligen Unbehilflichkeit gehen wollte, von dem weißen Kissen herab zur Seite kroch. Der Mann bückte sich herab zu mir mit einer Gebärde, die mir freundlich schien und mir Zutrauen einflößte. Er faßte mich, ich hütete mich wohl vor dem Muskelspiel der Krallen, die Ideen kratzen und Schläge verbanden sich von selbst, und in der Tat, der Mann meinte es gut mit mir, denn er setzte mich nieder vor einer Schüssel süßer Milch, die ich begierig auflutschte, worüber er sich nicht wenig zu freuen schien. Er sprach vieles mit mir, welches ich aber nicht verstand, da mir damals als einem jungen unerfahrenen Kiek in die Welt von Käterchen das Verstehen der menschlichen Sprache noch

представшей моим глазам, я должен был несколько раз подряд чихнуть; но вскоре после этого зрение мое начало действовать так прекрасно, как будто бы я был зрячим уже давным-давно.

О зрение! Ты — удивительная привычка! Без тебя трудно было бы жить на белом свете! Счастливы те высокоодаренные существа, которым зрение дается так же легко, как мне.

Не могу, впрочем, отрицать, что я впал в некоторое беспокойство и испустил жалобный вопль, такой же, как во время своего пребывания в тесном помещении. Тотчас же показался маленький, худой, старый человек, который навсегда останется для меня незабвенным, потому что, несмотря на мои обширные знакомства, я никогда не видал ни одной личности, равной ему или хотя бы способной идти с ним в сравнение. Среди существ моей породы случается часто, что та или другая зрелая особа обладает белым или черным мехом с пятнышками, но чрезвычайно редко можно найти кого-нибудь, кто бы имел белые, как снег, волосы на голове и в то же время черные брови цвета воронова крыла — как раз такое сочетание цветов было у моего воспитателя. Дома он носил короткий, ярко-желтый шлафрок, наводивший на меня ужас, благодаря чему, как только мой господин приближался ко мне, я кое-как, насколько мне позволяла моя беспомощность, сползал с белой подушки, на которой лежал. Господин мой нагибался ко мне с ужимкой, казавшейся мне дружеской и внушавшей доверие. Он брал меня на руки, и я благоразумно воздерживался от игры мускулов, управляющих когтями, — идеи «царапать» и «получать удары» естественно соединялись в моем уме; и на самом деле, у моего покровителя всегда были хорошие намерения, потому что он ставил меня перед блюдечком со сладким

nicht eigen. Überhaupt weiß ich von meinem Gönner nur wenig zu sagen. So viel ist aber gewiß, daß er in vielen Dingen geschickt — in Wissenschaften und Künsten hochehrfahrend sein mußte, denn alle, die zu ihm kamen (ich bemerkte Leute darunter, die gerade da, wo mir die Natur einen gelblichen Fleck im Pelze beschert hat, d. h. auf der Brust, einen Stern oder ein Kreuz trugen), behandelten ihn ausnehmend artig, ja zuweilen mit einer gewissen scheuen Ehrfurcht, wie ich späterhin den Pudel Skaramuz, und nannten ihn nicht anders als mein hochverehrtester, mein teurer, mein geschätztester Meister Abraham! — Nur zwei Personen nannten ihn schlechtweg »mein Lieber!« Ein großer dürrer Mann in papageigrünen Hosen und weißseidenen Strümpfen, und eine kleine sehr dicke Frau mit schwarzem Haar und einer Menge Ringe an allen Fingern. Jener Herr soll aber ein Fürst, die Frau hingegen eine jüdische Dame gewesen sein.

Dieser vornehmen Besucher unerachtet wohnte Meister Abraham doch in einem kleinen hochgelegenen Stübchen, so daß ich meine ersten Promenaden sehr bequem durchs Fenster aufs Dach und auf den Hausboden machen konnte. —

Ja, es ist nicht anders, auf einem Boden muß ich geboren sein! — Was Keller, was Holzstall — ich entscheide mich für den Boden! — Klima, Vaterland, Sitten, Gebräuche, wie unauslöschlich ist ihr Eindruck, ja, wie sind sie es nur, die des Weltbürgers äußere und innere Gestaltung bewirken! — Woher kommt in mein Inneres dieser Höhesinn, dieser unwiderstehliche Trieb zum Erhabenen? Woher diese wunderbar seltene Fertigkeit im Klettern, diese beneidenswerte Kunst

молоком, которое я жадно лакал, чем он немало забавлялся. Он много говорил со мной, но я его не понимал, потому что тогда мне, неопытному молоденькому котенку, было еще чуждо понимание человеческой речи. Вообще я мало что могу сказать о моем покровителе. Но не подлежит никакому сомнению что он должен был иметь большие познания в разных отраслях наук и искусств, потому что все, приходившие к нему (среди них я заметил некоторых людей, у которых на груди были крест или звезда на том самом месте, где природа наделила меня желтым пятнышком)... Итак, все, приходившие к нему, обращались с ним необычайно учтиво, иногда даже с оттенком боязливого преклонения, как впоследствии я с пуделем Скарамушем, и называли его не иначе, как «мой достопочтенный, мой драгоценный, мой неоцененный мастер Абрагам!» Только две особы называли его просто «любезный» — высокий тонкий господин в светло-зеленых панталонах и белых шелковых чулках и маленькая, чрезвычайно плотная госпожа с черными волосами и множеством колец на всех пальцах. Господин, должно быть, был князем, госпожа — еврейской дамой.

Но, несмотря на своих знатных посетителей, мастер Абрагам жил в маленькой комнатке, расположенной очень высоко, так что мне чрезвычайно удобно было делать через окно первые свои прогулки на крышу и на чердак.

Да, не иначе, я рожден на чердаке! Что подвал, что дровяной сарай, родина моя — чердак! Климат, отечество, нравы, обычаи, как непогасимо ваше влияние! Вы, и только вы определяете внешнее и внутреннее развитие гражданина! Откуда во мне это величие духа, эта любовь к возвышенному? Откуда эта редкостная, чудная способность вскарабкаться вверх, это завидное умение совершать самые смелые, гениальные прыжки? Ха! Сладкое и грустное чувство

der gewagtesten genialsten Sprünge? — Ha! es erfüllt eine süße Wehmut meine Brust! — Die Sehnsucht nach dem heimatlichen Boden regt sich mächtig! — Dir weihe ich diese Zähnen, o schönes Vaterland! dir dies wehmütig jauchzende Miau! — Dich ehren diese Sprünge, diese Sätze, es ist Tugend darin und patriotischer Mut! — Du, o Boden! spendest mir in freigebiger Fülle manch Mäuslein, und nebenher kann man manche Wurst, manche Speckseite aus dem Schornstein erwischen, ja wohl manchen Sperling haschen, und sogar hin und wieder ein Täublein erlauern. »Gewaltig ist die Liebe zu dir, o Vaterland!« —

Doch ich muß, rücksichts meiner —

(*Мак. Бл.*) »> — — und erinnern Sie sich, gnädigster Herr! denn nicht des großen Sturms, der dem Advokaten, als er zur Nachtzeit über den Pontneuf wandelte, den Hut vom Kopfe herunter in die Seine warf?< — Ähnliches steht im Rabelais, doch war es eigentlich nicht der Sturm, der dem Advokaten den Hut raubte, den er, indem er den Mantel dem Spiel der Lüfte preisgab, mit der Hand fest auf den Kopf gedrückt hielt, sondern ein Grenadier riß, mit dem lauten Ausruf: es weht ein großer Wind, mein Herr, vorüberlaufend, schnell den feinen Kastor dem Advokaten unter der Hand von der Perücke, und nicht dieser Kastor war es, der in die Wellen der Seine hinabgeschleudert wurde, sondern des Soldaten eignen schnöden Filz führte wirklich der Sturmwind in den feuchten Tod. Sie wissen nun, gnädigster Herr, daß in dem Augenblick, als der Advokat ganz verblüfft da stand, ein zweiter Soldat mit demselben Ausruf: »Es weht ein großer Wind, mein Herr!< vorüberrennend, den Mantel des Advokaten beim Kragen packte und ihn ihm herabriß von den Schultern, und daß gleich darauf ein dritter Soldat, mit demselben Ausruf: »Es weht ein großer Wind, mein Herr!< vorbeilaufend, ihm das spanische Rohr mit dem goldnen Knopf aus den Händen wand.

Der Advokat schrie aus allen Kräften, warf dem

наполняет мою грудь! Властно подымается во мне порыв к моему родному чердаку! Тебе посвящаю я эти слезы, о, дорогая родина, тебе это грустное, но торжествующее «Мяу!». Тебе во славу совершаю я эти прыжки, эти скачки, свидетельствующие мою добродетель и патриотическое мужество! Ты, о, чердак мой родимый, расточаешь мне щедрой рукой мышек в большом количестве, в твоих пределах я могу иногда стянуть из дымовой трубы кое-какие колбасы или куски сала, здесь же я ловлю воробьев, а порой даже подстерегаю голубя. «О, родина, сильна к тебе любовь!»

Но о моем воспитании, о первых...

(*Мак. Л.*) — А помните ли вы, всемилостивейший государь, ту страшную бурю, которая застигла адвоката в то время, как он шел ночью через Pont-Neuf, и сбросила в Сену его фуражку? Нечто подобное есть у Рабле, но, собственно, ведь не буря сорвала фуражку с головы адвоката, он крепко держал ее своей рукой, предоставив плащ игре ветра; это был гренадер, который с громким возгласом: «Ужасный ветер, милостивый государь!» — проскакал мимо и тотчас сорвал с его парика прекрасную касторовую шляпу; и не касторовая шляпа полетела в Сену, а, напротив, гадкая фуражка солдата под суровым ветром обрела в волнах влажную смерть. Вы знаете все, милостивейший государь, также, что в то мгновение, когда адвокат, совсем пораженный, стоял на мосту, другой солдат с тем же возгласом: «Ужасный ветер, милостивый государь!» — проскакал мимо и, схватив плащ адвоката за воротник, сорвал его с плеч, и что тотчас же третий солдат проскакал мимо с тем же возгласом: «Ужасный ветер, милостивый государь!» — и вырвал у него из рук испанскую трость с золотым набалдашником. Адвокат закричал изо всех сил, бросил вдогонку последнему бездельнику свой парик и по-